

Бабушка говорит: мало любить всякую животинку, её понимать ещё надо, а это не так-то просто.

Удивляюсь прямо: что тут мудрёного?

Один раз лежу в траве на солнышке – загораю.

Вдруг – бац! – у меня перед носом села муха. На лист сирени. Да не простая муха – серая комнатная, а замечательно какая красивая. Майка на ней зелёная, трусы синие, всё яркое, блестящее, в обтяжку, как облитое. Бывают такие блестящие мухи.



Села и сидит. Тоже, видно, загорать прилетела. И, видно, ей скучно: лениво так брюшко себе почесала задней ножкой и зевнула во всю пасть.

Хотя, может быть, это мне только так показалось, что пасть. Спорить не буду. По правде, я даже не знаю, есть ли у мухи пасть. Надо будет как-нибудь через увеличительное стекло посмотреть. Хобот-то у мух есть: это простыми глазами видно. А раз есть хобот, – значит, должна быть и пасть: иначе куда же ей хоботом еду класть? Я слона видел. Он хоботом взял у мальчика булку и отправил её себе в пасть. У него здоровая пасть. Наверное, и у мухи не хуже.

Ну, одним словом, вижу: мухе скучно сидеть одной на листе и загорать. И она очень обрадовалась, когда вдруг кто-то стал снизу подниматься на лист.

Показалась зелёная гладкая голова с длинным кривым рогом и двумя ярко-красными глазами под ним. Потом толстая шея...

Муха было подскочила к ней, – а шея всё вытягивается, вытягивается из-под листа – толстая, жирная, вся в перетяжках. Голова всё выше, выше. . и уставилась на муху своими красными глазами.

Муха – брык! – со всех ног и отскочила на дальний край листа.

Я так и прыснул со смеху. Кричу ей:

«Струсил, струсил!» – хотя, правда, рогатое чудовище и мне показалось довольно страшным.

Мухе, конечно, стыдно. Она сделала вид, будто и не думала удирать, а так, отскочила только, чтобы удобнее было драться. Она поплевала себе в ладошки и стала засучивать рукава: «А ну, выходи на кулачки!»

Видели, как это мухи делают? Подождут передние ножки и ножкой об ножку сучат, – точь-в-точь рукава закатывают. Хотя раз майка и трусы у них – всё это их собственное тело, то никаких рукавов у них и нет. А замечательно похоже это у них выходит!

Чудовище не двигалось.

Это придало мухе нахальства. Она опустила руки и на шестерёнках бочком, бочком начала наступать на чудовище.

Я подумал: «Вот это так здорово! Сейчас поднимется на самые задние ноги и разыграет дурачка на четыре кулачка! Вот это так бокс!»

Тут чудовище тихонько шевельнулось и направило свой кривой рог прямо ей в грудь.



Муха – стоп! Но не бежит. Размахнулась сразу двумя средними ножками – и давай себя гладить по бёдрам, по трусам, – принаравливается, значит, с какой стороны удобнее вдарить.

Я понимаю, я всё понимаю! Мальчишки у нас тоже так делают перед дракой.

И вдруг – вот уж этого я сам не ожидал! – рядом с рогатой головой поднимается из-под листа вторая голова – тупорылая, такая же зелёная, только безрогая. Муха как подскочит – жжж! – замахала крыльями – и драла по воздуху. Ещё бы: сразу с двумя такими чудовищами биться! Всякий

струсит.

Но вот тут-то самое смешное: вторая голова стала на ножки, за ней выпятилось, поднялось на лист всё тело чудовища – и оказалось, что чудовище-то одно, а первая его голова, которая с рогом, совсем и не голова, а наоборот – хвост! Оказалось, – это гусеница такая толстая – сиреневый бражник, что ли, называется. И на хвосте у неё не глаза, а просто такие точки красные.



Значит, муха с хвостом воевать собиралась. Вот дурёха-то!

Я гусеницу скovyрнул себе в кепку и побежал скорей бабушке показать и рассказать про муху.

Бабушка стояла посреди избы и выгоняла мух в открытое окно. Машет полотенцем и кричит:

– Кыш, мухи! Кыш, кыш отсюда!

Я ей всё рассказал, всё объяснил, как было, даже сам показал, как муха рукава засучила и по трусам себя гладила. А бабушка ну хохотать надо мной! Вот уж не понимаю, что тут такого смешного!

Прямо до слёз дохохоталась и говорит:

– Ох, и мастер ты у меня из мухи слона делать! Муха и драться-то не собиралась на кулачки, просто она чистилась.

И совсем она не такая глупая; она лучше тебя, верно, знала, что это за чудовище лезет, где у него хвост – а где голова. Всё это ты из себя выдумал, потому что по себе судишь. Подумай только: разве мухи дерутся на кулачки? У них и кулаков-то нет.

Вот подите поговорите с ней! Ну, что она понимает в драке?

Я не стал с ней спорить, – пусть думает, что хочет. Я только сказал:

– Бабушка, а ты зачем кричишь: «Кыш, мухи, кыш, кыш из комнаты!» Думаешь, они слова твои понимают?

Ну, бабушка мне ничего не ответила. А всё-таки потом уж больше не кричала на мух: «Кыш, мухи, кыш!»

*Иллюстрации: В.Бастрыкин.*